

Elizavetovskoe Settlement as a Cultural and Historical Brand of the Rostov Oblast

Nowadays tourism is one of the necessary conditions for the development of the positive image and cultural communication between the regions of the Russian Federation. Creation of cultural and historical brands in the Northern Caucasus regions is a promising task at present. Speaking of Rostov Oblast, Elizavetovskoe settlement, being a distinguished historical site, is worth becoming a regional brand. Elizavetovskoe settlement is a complex site consisting of a Scythian settlement (existed in the 5-th — 4-th BC) and two Greek colonies. Elizavetovskoe settlement is the largest Scythian urban center in the post Soviet Russia. We suppose that promotion of the cultural and historical brand of Elizavetovskoe settlement together with organization of archaeological, historical and landscape preserve will inevitably increase number of tourists coming to the Rostov Oblast.

Keywords: *tourism, brand, Rostov Oblast, Elizavetovskoe settlement, Scythia, Greek colonization, archaeological preserve.*

Ю. А. Прокопенко*

Звериный стиль в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III — I вв. до н.э. как историко-культурный бренд

Статья посвящена семантическому и хронологическому анализу зооморфных изображений, декорирующих различные предметы, обнаруженные в процессе изучения гробниц склеповых могильников конца IV — I в. до н.э. Всего в настоящее время выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты. В числе зооморфных изображений фиксируются образы птиц (13), в 5-ти случаях их сопровождают элементы образов ланей и лошадей; в одном случае они дополнены деталями изображения хищника. В числе хтонических живот-

---

* ПРОКОПЕНКО Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и искусств Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия. Электронная почта: z_proko_15@mail.ru.

ных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников (пантеры и волки). Сохранение в III в. до н. э. устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи), связано с их использованием в качестве амулетов. При этом, наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных центральнопредкавказских художественных образов (ушастый длинноногий зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица). Деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также, в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникойковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, звериный стиль, декоративно-прикладное искусство, склепы, зооморфные изображения, скифы, образ, сюжет, композиция, птицы, хищники, копытные, змеи.

К настоящему времени накоплен значительный материал, касающийся культуры строителей склеповых захоронений III — I вв. до н. э., локализованных, в основном, на территории Ставропольской возвышенности и района Кавминвод (и прилегающих районах): выявлено около 40 могильников и отдельных склепов; дан анализ этнического состава и социальной организации данного общества; исследованы особенности строительной традиции, керамики, украшений, видов вооружения и конской упряжи; рассмотрены особенности погребальной обрядности; намечены основные векторы культурных и экономических связей (см: [11, с. 38–40] [12, с. 296] [13, с. 313–317] [15, с. 218–220] [17, с. 350–355] [18; с.172–178] [19, с. 150] [21, с. 168–169]).

Также, в контексте изучения традиций декоративно-прикладного искусства позднекобанского населения был отмечен ряд образов зооморфных изображений, выявленных в процессе исследования материалов из гробниц склеповых могильников (см: [16, с. 38] [20, с. 170–171]).

Однако, исследований, посвященных, именно, особенностям звериного стиля носителей культуры склеповых захоронений к настоящему времени не существует. Таким образом, накопленный материал, касающийся образцов изобразительного искусства носителей культуры склеповых захоронений позволяет нам восполнить этот пробел.

Всего в настоящее время в процессе изучения гробниц выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты.

Значительную часть выявленных образцов звериного стиля составляют птицевидные изображения — 13 экз. В 5-ти случаях их сопровождают элементы образов копытных (ланей и лошадей); в одном случае они дополнены деталями изображения хищника.

В склепе Кабан-гора (окрестности Кисловодска) найден железный колчаный крюк, спинка которого была оформлена в виде очертания птицы в положении со сложенными крыльями. Четко прослеживаются: тонкая длинная шея, завершающаяся загнутой птичьей головкой с клювом; округлое туловище, переходящее в вытянутый хвост подтреугольной формы (см.: [19, с. 233] [20, рис. 108,3]). Близкое по сюжету изображение — конский налобник (наносник?) обнаружено при исследовании грабительских отвалов вокруг склепа № 2 могильника № 2 Волчий ручей. В данном случае туловище птицы развернуто не в горизонтальной плоскости как в первом случае, а в вертикальной — в профиль, видимо, для удобства расположения отверстия для подвешивания. Также, отличается оформление птичьей головки, завершающейся клювом. Она представляет собой не крюк, как в первом случае, а петлю. Хвостовая часть (в положении в фас), ее правая сторона, декорирована косыми насечками, напоминающими оперение [20, с. 485, рис. 86Б,4]. Еще один аналогичный налобник выявлен в районе склепового могильника Гремучка II (южные окрестности г. Ставрополя). Он отличается подромбической хвостовой частью и спиралевидно загнутым клювом [20, рис. 90Д, В2].

В числе предметов конской упряжи следует отметить 2 экземпляра Г-образных железных псалиев (рис. 2,2,3). Их верхняя — загнутая часть оформлена в виде стилизованных головок ушастых зверей (ланей?). Шейная часть головок украшена нарезным спиралевидным орнаментом. Нижние части псалий заканчиваются раскованными уплощенными лопастями подтреугольной формы (хвост птицы?). Лопастни по краям имеют отверстия. В отверстия были вставлены привески, сделанные из железной проволоки в 9 оборотов, накрученной на сердечник. Об этом можно судить по сохранившейся одной привеске, подвешенной к лопасти одного из псалиев. Предметы являются

детальями уникальной железной узды, обнаруженной рядом с подкурганым склепом «Каменная могила» [22, рис. 2, 1, 2].

Данный сюжет скорее всего является производным от синтеза образов, характерных для местной кобанской культуры и скифского «звериного стиля». Например, для кобанского искусства IX–VI вв. до н.э. характерны бронзовые привески-амулеты в виде бронзовых литых ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (мог. Терезе, гробница I; мог. Индустрия, погр. 7/14, мог. № 2 Татарского городища и др.) (см.: [5, с. 168, табл. XII, 19, 21] [7] [21, рис. 9–11]). В единичных случаях они встречены в захоронениях раннесарматского времени (мог. Нижний Джулат, погр. 40), в том числе в склеповых комплексах (склеп Кобан-гора) [1, рис. 29, 54]. В последнем случае в целом сохранен традиционный сюжет — сидящая птица с распущенным веерообразно хвостом. Однако, наблюдается упрощение элементов образа. В этом варианте шейная часть плавно завершается клювом, отсутствуют уши. Не смотря на это, следует отметить, что в данный период в местной изобразительной традиции образ птичьей головки со зверовидными ушами остается быть востребованным.

В III — начале II до н.э. в гробницах кроме литых птичек появляются полые бронзовые фигурки. В частности, такая бронзовая птичка (фрагментирована) с выделенными зверовидными ушами обнаружена в гробнице, раскопанной А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) [17, с. 94–95, рис. 2, 18]. Это изображение отличается особенностями оформления ушей и хвоста. Уши напоминают собачьи — стоят вертикально, слегка наклонены вперед. Крылья показаны в сложенном виде.

Скорее всего, трансформация отмеченного образа кобанских ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (удлинение носовой части и укрупнение ушей) является основой для появления таких изображений как отмеченные выше железные псалии с головками ланей и подтреугольной противоположной частью в виде птичьего хвоста из ритуального комплекса у склепа Каменная Могила. Данный сюжет повторяет бронзовый налобник в виде головки лани из Бельтинского клада (территория Чечни) (см.: [2, с. 86] [20, с. 169, рис. 188, А, 1–3].

Зооморфные превращения отмеченных псалиев из склепа Каменная Могила свидетельствуют о том, что в III в. до н.э. в зверином

стиле Центрального Предкавказья образы кобанского искусства заменяют традиционные скифские.

Прослеживается эволюция изменения сюжетной линии в конечном итоге приведшая к такому изображению. Композиционное решение изделия явно заимствовано из прикубанского варианта скифского звериного стиля V — IV вв. до н.э. (оформление одного конца псаля в виде протомы хищника, противоположного — в форме ажурной вертикальной пластины — мого Уляп, кург. 2). Однако, прикубанская схема в Центральном Предкавказье была адаптирована под местные вкусы. Самое значительное изменение наблюдается в оформлении хвостовой части псаля. Вертикальная плоскость первоначально сохраняется, но вместо загнутого в петлю хвоста хищника представлен распущенный хвост птицы. В частности, таким образом оформлен бронзовый псалий IV в. до н.э. с протомой ушастого зверя с гривой, обнаруженный в окрестностях г. Кисловодска. Верхний конец псаля оформлен в виде протомы ушастого драконоподобного зверя (при этом Г-образный абрис шеи с головой соединен с центральной частью псаля передними конечностями в форме овала), противоположный является стилизованным изображением птичьего хвоста, выполненным в вертикальной плоскости [16, с. 39–40, рис. 3, А, 1]. Следует отметить, что хотя композиционное соединение передних конечностей и морды животного характерно для прикубанского варианта скифского звериного стиля V — IV вв. до н.э. (Семибратние курганы, кург. 4; Уляп, кург. 2), все-таки, подобный вариант, использованный в кисловодском изображении, более близок кобанским изображениям скачущей лошади типа «Верхняя Рутха» [4, рис. 35, 52].

Таким образом, выстраивается цепочка образов — пантера с загнутым в петлю хвостом в вертикальной плоскости (Уляп, кург. 5) [27, с. 98, рис. 25, кат. № 31], — ушастый зверь с гривой и птичьим хвостом в вертикальной плоскости (находка в окрестностях Кисловодска), — ушастый зверь с гривой с птичьим хвостом в горизонтальной плоскости (склеп Каменная Могила). Образ железного псаля из Каменной Могилы более схематичный, чем кисловодский (частично это связано с особенностями обработки железа). Вместо гривы — винтовая нарезка в области шеи, хвост представлен в варианте, более привычном для кобанского искусства — в горизонтальной плоскости.

Соединение в одной композиции образов копытных (ланей) и птиц, видимо, связано с их общей принадлежностью к верхней зоне мироздания.

Упрощенный вариант сочетания подобных элементов зафиксирован в трактовке 4-х железных псалиев, найденных при исследовании южной полы курганообразной обкладки вокруг гробницы № 1 могильника Татарского городища № 2 (южные окрестности г. Ставрополя). В данном случае форма псалиев напоминает профильное изображение птицы с длинным заостренным клювом. Восьмерковидное расширение в центре предметов является головой птицы. Противоположный расширенный конец псалиев завершается упрощенной трактовкой конского копыта.

Особо следует отметить найденный в единственном числе на Северном Кавказе меч (длина — 54 см), перекрестие которого трактовано как сильно стилизованные головы двух хищных птиц, орлов или грифонов, со спиралевидным клювом (обнаружен в грабительских отвалах рядом с гробницей на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюд — окрестности г. Пятигорска).

Перекрестие по контуру занимает промежуточное положение между почковидной и сердцевидной формой. Оно орнаментировано желобками, создающими двойное изображение головы грифона. На вершине брусковидной формы [24, с. 29].

Близкий по оформлению перекрестия является короткий меч из д. Винновка Самарской области [3, рис. 2, 1]. В данном случае каждая сторона перекрестия оформлена в виде пары голов хищных птиц, повернутых в противоположные стороны. Здесь также как у меча, найденного на г. Верблюд, выделены два овальных глаза, восковицы, орнаментированные продольными бороздками. Сближает оба меча в форме навершия — прямоугольный брусок (форма характерна для мечей западной части скифского мира — Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Прикамье, а также встречается у савроматов Поволжья и Приуралья). В районе Самарская Лука — Стерлитамак — Оренбург обнаружено еще несколько экземпляров (не менее 4-х) мечей с аналогично оформленным перекрестием. Р. Б. Исмагилов и В. А. Скарбовенко отмеченные мечи датировали концом VI — первой половиной V в до н.э. (хотя все они найдены вне комплексов), считая их изделием местных савроматских мастеров. Следует отметить, что эти мечи от-

личаются более короткими клинками и чеканным (либо рельефным) орнаментом на рукояти [3, с. 81].

Аналогичный меч, перекрестие которого трактовано как стилизованные головы двух хищных птиц со спиралевидным клювом (но одним большим глазом в центре, который принадлежит обоим головам), происходящий из Каневского уезда Киевской губернии, А. И. Мелюкова осторожно отнесла к V в. до н.э., считая клинок продукцией местных мастеров, но под влиянием сибирских акинаков [9, с. 53].

Более близок к кавминводскому (аналогичный по трактовке перекрестия) меч (отличается навершием в виде сомкнутого кольца) обнаружен на территории лесостепного Подонья (Тынково). А. П. Медведев, опубликовавший данный меч, включил эту находку в сводную таблицу клинков конца V — IV в. до н.э. [8, с. 102].

Единственный в своем роде меч, найденный на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюд, с зооморфным перекрестием явно не связан с местной изобразительной традицией. Его появление в ритуальных приношениях конца IV — III в. до н.э. вокруг гробницы, видимо, свидетельствует о связях носителей культуры склеповых сооружений с населением района Подонья или о миграционных процессах, затронувших данный регион в III в. до н.э.

Еще один случай использования сюжета, связанного с птицами, зафиксирован в декорировании загнутой лопасти Г-образного железного псаля в форме головы хищника с оттянутой вниз нижней челюстью, найденного в районе склепового могильника Бучинка II. В данном случае наблюдается деградация образа птицы: вырезанный упрощенный контурный показ вытянутого подтрапцевидного туловища, видимо, в положении со сложенными крыльями, которое переходит в тонкую длинную шею, плавно завершающуюся загнутым приостренным отростком (клювом?). В центральной части лопасти псаля он составляет геральдическую композицию, касаясь петлей отростка с аналогично загнутой головкой второй птицы (?). В целом эти изображения использованы для профильной трактовки челюстей хищника (волка?).

В числе хтонических животных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников.

В частности, в гробницах выявлено 4 бронзовых браслета с концами в виде змеиных головок (склеп у п. Быкогорка — 2 экз.; гробница, раскопанная А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе — г. Ставрополь — 2 экз.) [22, 9, рис. 4, 3, 7; 17, 94, 99, рис. 2, 37, 41]. В двух случаях поверхность концов заужена, в двух имеет ромбические очертания. У трех экземпляров концы орнаментированы гравированными насечками поперечными и под углом, составляя зооморфный облик. У одного браслета конец декорирован симметрично расположенными по краям прута гравированными овалами, изображающими уши змеи.

Такие украшения являются обычной находкой в памятниках кобанской культуры западного варианта VII — IV вв. до н.э. [5, табл. XVII, 2–6]. Видимо, традиция использования браслетов с концами в виде головок змеи сохраняется в повседневной жизни строителей склепов в последние века до н.э. Популярность образа змеи объясняется ее значением в связи с лечебной практикой. По осетинским представлениям, змеи вели постоянную борьбу за волшебные «бусины», способные излечить любого больного и даже вернуть к жизни мертвого. Змеиными бусинами в Нартовском эпосе осетин Сослан оживляет мертвую девушку [26, с. 34–35]. Этот эпизод сопоставим со свидетельством Плиния об изготовлении скифами лекарств из проглоченного змеей камешка, который добывался из рассеченной между ушами головы змеи, или всей головы пресмыкающегося [28, с. 192].

Образы хищников менее характерны для изобразительной традиции носителей культуры склеповых сооружений Центрального Предкавказья, чем сюжеты с птицами и копытными — 3 экз.

Следует отметить образ явно заимствованный из кобанских зооморфных изображений. Это фигуры хищников с широко раскрытой пастью, с оттянутой вниз нижней челюстью. Такие изображения часты на бронзовых топорах (Фаскау; Кобанский могильник и др.), а также на других предметах, например, на геральдической пластине из Кобани [25, рис. 3], навершиях мечей из погребения 19 могильника Гастон Уота [10, рис. 1, 4, 5] и др.

К числу предметов, оформленных подобным образом, происходящих из материалов гробниц относятся голова фигурки льва из слоновой кости из Султановского склепа на горе Брык [19, рис. 88, 12] и выше отмеченная загнутая лопасть железного Г-образного псаля из могильника Бучинка.

Фигурка льва из Султановского склепа представляет собой объемное изображение хищника. Судя по положению согнутых конечностей лев показан в положении готовящегося к прыжку. Хвост обвивает бедренную часть задних конечностей. Нижняя челюсть резко отогнута вниз (часть верхней утеряна).

Как уже было отмечено, загнутая уплощенная часть псаля из района склепового могильника Бучинка представляет собой контурное изображение головы хищника (волка?) с отогнутой вниз нижней челюстью. Волчий контур головы образован посредством обрезания пластины, имевшей первоначально подпрямоугольную форму. В результате часть лопасти, соединяющаяся с восьмерковидным утолщением — голова хищника, получила подромбическую форму. Посредством секторальных вырезов с трех сторон оконечности загнутой лопасти оформлен профиль челюстей волка. Внутренне пространство пластины орнаментировано. В резной — штриховой манере показан округлый глаз. Верхняя и нижняя челюсти оформлены двумя птичьими головками.

Оформление челюстей хищников, а также нижней части головы копытных животных в виде птичьих (грифоньих) головок — прием, характерный для скифского звериного стиля IV в. до н.э. Северного Кавказа и Северного Причерноморья (окрестности г. Кисловодска; мог. Нартан-II, кург. 1; ст. Кужорская; Солоха) [14, с. 98, № 31]. Судя по упрощенной схеме изображений псалий, скорее всего, датируется III в. до н.э.

Особо следует отметить образ хищника № 3. Это железное навершие кинжала, выполненное техникойковки в форме пантеры, припавшей к земле, обнаруженное при исследовании южной оконечности курганной каменной насыпи вокруг склепа «Каменная могила».

Челюсть пантеры (?) слегка приоткрыта. Частично сохранились клыки. Верхняя часть морды покатая с закруглением на месте ноздрей. По абрису челюстей и передней части морды прослеживается лотосовидный завиток. Сегментовидные глаза сверху и по затылочной части морды обрамлены рельефными полукруглыми ушами. От головы в противоположную сторону отходит остролистный отросток (грива?), слегка загнутый кверху. Он декорирован тремя нарезными параллельными, направленными к выступающему углу гривы (?) насечками, которые разделены вертикальными выемками на 5–6 рельефных прямоугольников. Туловище декорировано косы-

ми насечками, видимо имитирующими ребра животного. Бедренные части сверху показаны округлыми рельефными валиками, декорированными с профильной стороны спиралевидными завитками. Задняя конечность, соединенная с углом сгиба передней оконтуривают подтреугольную выемку между туловищем и конечностями. Посредством косых вырезов выделены пальцы лап пантеры. Лапы опираются на постамент подпрямоугольной формы.

При внимательном рассмотрении изобразительных особенностей трактовки образа данного хищника наблюдается целый ряд деталей сближающих находку из склепа «Каменная могила» с подобными изображениями на концах золотых гривен из знаменитого Казинского клада первой половины III в. до н.э. (юго-восточнее г. Ставрополя): слегка приоткрытая пасть, округлое ухо, поза припавшего к земле хищника, грива, показанная в форме отростка, направленного от головы в противоположную сторону, косые насечки на туловище, декорирование бедер спиралевидными завитками и др. (рис. 3, А, 2, 3). Е. Ф. Королькова обратила внимание на сходство ставропольских находок с изображениями из памятников Южного Приуралья и Южной Сибири (1-й Филипповский курган; Уландрык I, кург. 12; Уландрык II, кург. 7; Уландрык IV, кург. 2; 2-й Пазырыкский кург.). На этом основании исследователь связывает распространение в Предкавказье золотых украшений с концами, оформленными в зверином стиле, с притоком на Северный Кавказ новых групп кочевого населения с востока. По мысли автора, носителями этих импульсов были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири [6, с. 107, 110, рис. 5]. Скорее всего, кроме отмеченной пантеры из склепа «Каменная могила» в контексте контактирования с инородной племенной группой (сирматы (?), исидоны?), возможно, пришедшей в Предкавказье из района низовьев Дона (в Подонье — из Южного Приуралья), следует рассматривать и упомянутую выше находку при исследовании склепа на горе Верблюд меча с перекрестьем в виде двух головок грифона.

Таким образом, в развитии зооморфных изображений в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений конца IV — I в. до н.э. прослеживаются четыре основных тенденции:

1) Отказ от центральнопредкавказских и прикубанских традиций скифского звериного стиля, сопровождающийся, с одной сторо-

ны, деградацией ранее излюбленных образов, а с другой — заменой их сюжетами, характерными для кобанского искусства;

2) Хотя сохраняющиеся (или импульсные?) связи с другими регионами (Подонье и др.) направляют в Центральное Предкавказье незначительный поток готовых сформированных зооморфных образов (перекрестие мечей в виде геральдического изображения головок хищных птиц или грифонов; припавший к земле хищник с гривой и др.), видимо, их использование было кратковременным и не привело к созданию подобных местных сюжетных линий (исключением следует считать образ припавшей к земле пантеры с приоткрытой пастью, в определенной мере использованный в композиции шествующих зверей, декорирующей концы местных браслетов II — I вв. до н.э.);

3) Сохранение устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи), видимо, связанное с усилением их апотропеических функций. При этом, наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных кобанских образов (ушастый длинноносый зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица);

4) Деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также, в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникойковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Использованная литература:

1. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: Наука, 1993.

2. Виноградов В. Б. Клад второго бельтинского могильника // Краткие сообщения Академии наук СССР. Ранний железный век. М.: Наука, 1986. Вып. 186. С. 84–87.

3. Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1977. С. 77–92.

4. Козенкова В. И. Исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущинский научный центр РАН, 1996.

5. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников России. Вып. В. 2–5. М.: Ин-т фундаментальных проблем биологии РАН, 1998. 165 с.

6. Королькова Е. Ф. Кубанский звериный и его восточные аналогии // Археологический сборник. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Вып. 35. С. 91–112.

7. Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Черкасов В. Н. Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: тез. докл. межрегион. науч. конфер. (24–26 апреля 2003 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2003. С. 18–32.

8. Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этно-культурная история I тыс. до н.э. М.: Наука, 1999.

9. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. Свод археологических источников СССР. Вып. Д. 1–4. М.: Наука, 1964.

10. Мошинский А. П. Кобанский воин-всадник // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: тез. докл. межрегион. науч. конфер. (24–26 апреля 2003 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2003. С. 40–44.

11. Прокопенко Ю. А. Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V — начала II вв. до н.э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья // Проблемы истории археологии Украины: матер. V междунар. науч. конфер., посвященной 350-летию Харькова и 200-летию Харьковского национального университета имени В. П. Каразина (4–6 ноября 2004 г., г. Харьков). Харьков: Изд-во Харьковского национального ун-та, 2004. С. 38–40.

12. Прокопенко Ю. А. Типы вооружения из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований, 2008. С. 296–299.

13. Прокопенко Ю. А. Особенности предметов конской упряжи из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй по-

ловины IV — начала II в. до н.э. // Пятая Кубанская археологическая конференция: матер. конфер. Краснодар: ГУЗ МИАЦ, 2009. С. 313–317.

14. Прокопенко Ю. А. Новые находки скифского звериного стиля из памятников Центрального Предкавказья V–IV вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Апрель, 2009. Вып. 1. С. 7–33.

15. Прокопенко Ю. А. К вопросу о конструктивных особенностях гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья кон. IV — I в. до н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретация. XXVII Крупновские чтения: матер. междунар. науч. конфер. (23–28 апреля 2012 г., г. Махачкала). Махачкала: Изд. дом Мавраев, 2012. С. 218–220.

16. Прокопенко Ю. А. К вопросу о характерных особенностях центральнопредкавказского варианта звериного стиля в III — I вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Графа, 2012. Вып. 4. С. 38–52.

17. Прокопенко Ю. А. Материалы гробницы, раскопанной А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Вып. 12. С. 90–104.

18. Прокопенко Ю. А. Об особенностях керамического комплекса склеповых захоронений кон. IV — III в. до н.э. Центрального Предкавказья // Седьмые Прозрителевские чтения: сб. матер. межрегион. науч.-практ. конфер. (22–23 ноября 2012 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Ставролит, 2013. С. 172–178.

19. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э. Т. I. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014.

20. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э. Монография. Т. II. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014.

21. Прокопенко Ю. А. Социальная организация носителей культуры склеповых захоронений кон. IV — I в. до н.э. по материалам могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. междунар. науч. конфер. (18–21 апреля 2016 г., г. Грозный). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 168–170.

22. Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р. Железная конская узда позднескифского времени из кургана «Каменная могила» близ Железноводска // Из истории народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. Вып. 4. С. 6–12.

23. Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А. Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 7–31.

24. Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А. Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005.

25. Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1999. С. 273–278.

26. Туаллагов А. А. Об одном редком типе орнаментации средневековых аланских зеркал // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Графа, 2010. Вып. 2. С. 33–37.

27. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.: Внешторгиздат, 1987. 188 с.

28. Яценко С. А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. № 3. С. 188–194.

Yuri A. PROKOPENKO

Dr. Sci. (Archeology), Prof.,

Department of Cultural and Arts,
North Caucasian Federal University
Stavropol, Russia

z_proko_15@mail.ru

Animal Style in Arts and Crafts Media Culture Burial Vaults in the Central Ante of the 3rd — the 1st century BC

The article is devoted to semantic and chronological analysis of zoomorphic images, decorating various objects found in the study of tombs burial crypt end of the IV — the I century. BC. Total currently identified 19 objects decorated in animal style. They represent the elements of the decoration of different types of weapons, parts of harness, ornaments and amulets. Among the zoomorphic images are recorded images of birds (13), in 5 cases, they are accompanied by elements of the deer and horses images; in one case the parts are supplemented predator image. Among the chthonic animals, it should be noted images snakes and predators (wolves and panthers), typical of decorative art media culture burial vaults. Saving in the III BC established forms of subjects, characteristic of the Scythian culture and binding their decoration (for

example, items of harness), associated with their use as amulets. At the same time, there has been a renaissance in attracting as their registration Central Caucasian traditional artistic images (big-eared long-nosed beast with a bird's tail, a predator with a sharply drawn down jaw, sitting bird). The degradation of the image is due to schematization and simplification of images (the rejection of important details or rudimentary image, turning the birds head in a serpentine processes; reduced approach to building the composition, etc.). Apparently under the influence of damping iraditions actually Scythian art, as well as in connection with the massive use of iron products, carried out by forging technology, which prevents the development of a variety of decors.

Keywords: *Central Caucasus, animal style, decorative arts and crafts, crypts, the zoomorphic images, scythians, form, plot, composition, birds, predators, hoof, snakes.*

Е. И. Иноземцева*,
Д. С. Кидирниязов**

Нижнее Притеречье как историко-культурный бренд межэтнической и межконфессиональной толерантности под «сберегающим крылом России» во второй половине XVI–XVIII веке

В статье показан комплекс российских городов-крепостей нижнего Притеречья, где в XVI–XVIII вв. был сосредоточен удивительный конгломерат не только русского, казачьего, автохтонного северокавказского населения, но и сопредельных народов Закавказья, представителей торговых кругов Персии, Индии, Европы, в контексте покровительственной кавказской политики Российского государства как историко-культурный бренд межэтнической и межконфессиональной толерантности.

---

* ИНОЗЕМЦЕВА Елена Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия. Электронная почта: inozemceva47@mail.ru

** КИДИРНИЯЗОВ Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, заслуженный деятель науки республик Дагестан и Карачаево-Черкессия, Махачкала, Россия. Электронная почта: daniyal2006@rambler.ru